

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К79

Кремлёв, Сергей.

К79 Русские распутья, или Что быть могло, но стать не воз-
могло / Сергей Кремлёв. – Москва : Алгоритм, 2016. – 464 с. –
(Кремлёвская история России).

ISBN 978-5-906817-98-3

Мы имеем общие курсы русской истории Карамзина, Соловьёва, Ключевского, Покровского. Теперь эти классические курсы подпирает капитальный обзор русской истории Сергея Кремлёва. От неолитических славянских культур до Октября 1917 года – в этом хронологическом диапазоне предпринят не просто анализ реально бывших эпох, но и рассмотрены возможные альтернативы, то, о чём Карамзин писал: «Что быть могло, но стать не возмогло».

В русской истории было немало «точек бифуркации», когда мог реализоваться иной вариант эпохи, и Сергей Кремлёв показывает, что русская история после Ярослава Мудрого – это история упущенных возможностей, за исключением пяти-шести эпох.

Иван III Великий расширил Русь... Иван IV Грозный уберёт Русь от судьбы Польши, разрушенной собственной элитой... Пётр I дал России мощный импульс развития... Эпоха «потёмкинской» Екатерины – тоже пора исторического рывка. Ленин вместе с народом спас страну от судьбы полуколонии Запада... Сталин, приняв Россию с сохой, вместе с народом вывел её на уровень первоклассной мировой державы, оградившей своё историческое будущее Ядерным Щитом.

Только в эти периоды мы не упустили свой исторический шанс, утверждает Сергей Кремлёв и указывает на причину провалов – своекорыстную имущую элиту.

Вопрос «Что было бы, если бы?...» постоянно возникает на страницах книги, но ответ на него каждый раз даётся на фоне реальной истории России.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-906817-98-3

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предуведомление от автора	6
<i>Предисловие.</i> Русский народ, русская элита и русская судьба...	9
<i>Глава 1.</i> От Трипольской культуры к Змиевым валам и начальной Руси 28	
<i>Глава 2.</i> IX век — 1054 год: От Гостомысла и Рюрика к святому Владимиру	48
<i>Глава 3.</i> 1019 год — 1237 год: от Ярослава Мудрого к ошибке Любеча и пожарам Батыева нашествия	73
<i>Глава 4.</i> XIII — XIV века: жить на коленях, чтобы встать во весь рост	139
<i>Глава 5.</i> XV век — начало XVI века: под общее знамя Москвы .	202
<i>Глава 6.</i> 1533 — 1584 гг. Дилемма Ивана Грозного: самодержавие царя или своеволие боярства	251
<i>Глава 7.</i> XVII век. Через русскую Смуту к стабильности Алексея Тишайшего	343
<i>Глава 8.</i> «Большой скачок» Петра Великого	411
<i>Послесловие.</i> Россия и Европа: трудный возврат к разуму . .	453

*Посвящается
народам Советского Союза,
имеющим огромные возможности
для творческого созидания
и упускающим их в настоящем,
губя умное будущее*

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ОТ АВТОРА

Книга, которую взял в руки читатель — аналитический обзор русской истории, начиная с праславянских времён до эпохи Петра Великого. И это — лишь первый том двухтомного труда «Русские распутья». В готовом к изданию втором томе «От Петра II Ничтожного до Николая II Кровавого» рассмотрение нашего прошлого доведено уже до Октября 1917 года. Второй том, естественно, преемственен по отношению к первому, однако каждый том имеет и самостоятельное значение.

Необходимость в общем историческом обзоре — сжатом, но достаточно полном, назрела, на взгляд автора, давно. Наиболее известны обзоры Карамзина, Соловьёва, Ключевского, но все они, во-первых, — продукты мысли XIX века. Во-вторых, они и доводят события нашей истории не более чем до того или иного периода XIX века, а нынче у нас «на дворе», как-никак, третье тысячелетие...

К тому же, моя книга — не просто обзорный анализ, а анализ с выявлением точек бифуркации, когда русская история могла бы пойти не так, как она пошла в действительности, а иначе. При этом каждый раз ставится не только вопрос: «Что было, если бы?», но и вопрос: «А почему это “если бы...” не было реализовано?».

Вначале автор предполагал довести рассказ сразу до сегодняшних «путинских» дней, однако объёмность материала вынудила ограничиться — пока что — тем временным периодом, который указан выше, к тому же разбив текст на два тома.

Конечно, соблазнительно было бы выпустить в свет сразу один увесистый книжный «кирпич» — так вначале и задумывалось, но в итоге пришлось делить книгу на две в целях удешевления издания. И автор с завистью поглядывает на недавно выпущенную издательством «Астрель» при участии изда-

тельства «Паломник» двухтомную «Историю России XX века» с 1894 по 1991 год, где каждый том — толст и увесист, хотя и увесист лишь по весу, а не по сути. Этот издательский проект под рукой его генерального директора и ответственного редактора, профессора МГИМО А.Б. Зубова трактует нашу новейшую историю гнусовато, и именно поэтому издан «по первому разряду» — с, надо полагать, явной (а, наверное, ещё и неявной) «спонсорской» поддержкой.

Мою же работу не дотировал никто — если не считать мощной поддержки со стороны таких могучих фигур как Владимир Мономах и Ярослав Мудрый, Александр Невский и Иван Калита, Дмитрий Донской и Иваны III Великий и IV Грозный, нижегородский купец Козьма Минин и князь Пожарский, Пётр Великий и «птенцы гнезда Петрова», герои елизаветинского и екатеринского века, герои Отечественной войны 1812 года и Крымской войны, и, наконец, Ленин, Октябрём которого заканчивается мой двухтомник... И, конечно же, я ощущал поддержку двух извечных героев русской истории — Ивана да Марьи...

Эта поддержка очень помогала в работе, но не помогла в желании издать данный обзор сразу под одной обложкой — от праславян до Ленина.

Ну, что ж, пусть будет так, как будет.

Надо сказать, что идея книги вызревала давно, но её (книги) могло бы и не быть, если бы не настойчивость главного редактора издательства «Алгоритм» Александра Ивановича Колпакиди, в течение нескольких лет подбивавшего автора на подобный труд. В конце концов работа началась, было определено и название: «Русские распутья: от Рюрика до Путина». И вдруг звонок из «Алгоритма» известил меня, что в Москве уже вторым изданием вышла в свет книга трёх авторов: Ирины Карацубы, Игоря Курукина и Никиты Соколова «Выбирая свою историю. “Развилки” на пути России: от рюриковичей до олигархов». Переключка названий (а, возможно, и концепции, и содержания) была настолько очевидной, что пришлось, всё отложив, отыскать эти «Развилки...» и прочесть их.

Оказалось, что, хотя авторы «Развилки...» — профессиональные историки (а, скорее, как раз потому, что они — профессиональные историки), объективного и самобытного исследования русской истории и её «развилки» у них не получилось. Книгу заполняли либеральные побасенки о том, что Александр-де Невский — не гордость, а позор русского народа, поскольку отказался от блока с Западом и заискивал перед монголами, а сатрапы Иван III и Иван IV Грозный тем самым

сапогом, который позднее носил Сталин, раздавили великую новгородскую республику, лишив Россию светлой демократической перспективы на манер всё того же Запада, и т.д., и т.п.

Стало ясно, что о переключке концепции и содержания говорить не приходится, переключка же названий имела место... Однако, нет худа без добра! После недолгих раздумий было решено несколько изменить как название, так и первоначальный замысел — тем более, что повествование разрасталось — и разделить сей труд на две книги: книгу первую «Русские распутья: от Гостомысла до Ленина» и книгу вторую «Русские распутья: от Ленина до Путина».

Затем и первую книгу пришлось разделить ещё раз — на две. Работа над книгой «Русские распутья: от Ленина до Путина», ещё продолжается, а то, что уже сделано, автор предлагает благосклонному вниманию читателя.

Сергей Кремлёв (Брезкун)

Предисловие

РУССКИЙ НАРОД, РУССКАЯ ЭЛИТА И РУССКАЯ СУДЬБА...

О русском народе и русской судьбе в разное время сказано было немало, и по сей день говорится много. Сказано было и верное, и глубокое, а ещё больше было сказано чепухи...

Фёдор Тютчев написал:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.

Хорошо... И даже — очень, ибо верить в Россию надо. Надо даже в нынешние — беспрецедентно глупейшие и бездарные — путинские времена.

Но не пора ли понять Россию, всё же, умом?

Неужели в России и в её судьбе — в отличие от судьбы других государств, есть нечто, что нельзя разумно проанализировать и осмыслить? И почему для измерения русской истории и судьбы не подходит общий аршин?

Ответ на такой вопрос обязательно должен быть, и в общем смысле дать ответ несложно: история России не измеряется общим аршином потому, что история России оказывается уникальной в точном смысле этого слова, то есть — единственной в своём роде, не имеющей аналогов и precedентов.

Но в чём её уникальность?

В том, что Россия заняла собой «шестую часть Земли с названием кратким “Русь”...»?

Но почему только Россия это смогла?

А, может, уникальность — в положении России между Европой и Азией?

Но почему Русь — ни Европа, ни Азия? Или, если угодно, почему она и Европа, и Азия?

До нашествия монголов, до погрома русских земель Батыем, Суздальско-Владимирская и Киевская Русь входили в средневековый европейский мир, и это наиболее наглядно выявляется в династических связях великих киевских и владимирских князей с правящими домами тогдашней Европы.

После того, как Русь подпала под азиатское монгольское влияние, она была почти отсечена от Европы, но в Азию не превратилась, а осталась сама собой и сумела не просто изжить монгольское иго, но включить в себя былых своих разрушителей....

Почему?

В этой книге ответ на такой вопрос, пожалуй, даётся. Он даётся, конечно, не в двух словах, однако главный тезис надо бы высказать сразу — уже в предисловии... Начать придётся при этом со времён доисторических, известных лишь по археологическим раскопкам, продолжить временами поздней Киевской Руси, а закончить уже пост-монгольскими временами...

История человека уходит в эпоху палеолита. Это — первый период каменного века, начало которого отстоит от нас на добрый миллион лет назад. В палеолите первобытный, ещё даже не очень разумный, человек, только начинал изготавливать и использовать первые орудия труда.

Время с 10-го до 5-го тысячелетия до нашей эры историки называли мезолитом — тогда появились лук и стрелы, развилась охота...

Неолит — новый каменный век, датируется временем с 8-го до 5-го тысячелетия до нашей эры, когда люди переходили от «присваивающего» способа хозяйства (собирательство, охота) к производящему (земледелие, скотоводство). В неолите появляется глиняная посуда, возникают прядение и ткачество.

Примерно с конца 4-го тысячелетия до нашей эры начинается переходный период — энеолит, когда каменные орудия труда сменяются вначале медными — в «медном веке», а потом и бронзовыми — в «бронзовом веке»...

Наконец, в начале 1-го тысячелетия до нашей эры в жизнь человека входят железные изделия — начинается «железный» век.

И все эти долгие тысячелетия на пространствах в многие тысячи километров шло формирование отдельных племён и племенных объединений. Люди осваивали окружающий мир, перемещались с обжитых мест на новые — необжитые, которые или были привлекательнее, или просто не были никем заняты.

Например, готы из Южной Швеции прошли до Азовского моря, Дакии и Испании... Но осели в Германии. Кочевники-гунны, теснимые древними китайцами, в самом начале нашей эры дикой и жестокой массой докатились из глубин Азии до Дона, Дакии и Галлии, но после смерти Атиллы огромное ква-

зи-«государство» гуннов, протянувшееся от Дона чуть ли не до Ла-Манша, быстро распалось, а сами гунны растворились в других народах.

А где-то какие-то племена селились прочно и не уходили уже из мест, ставших родными. Среди таких родоплеменных объединений были и славяне — крупнейшая группа европейских народов, объединяемая общностью языков и происхождения.

Николай Васильевич Гоголь — не только великий писатель, но и профессиональный историк (в 1834 году он был определён адъюнкт-профессором по кафедре всеобщей истории Санкт-Петербургского университета) в своих заметках по истории славян помечал: «Некоторые обычаи показывают их происхождение из Индии. 1) Сходство, хоть довольно отдалённое, с языком санскритским. 2) Обычай жён сожигать на кострах».

Да, славянские языки относят к индоевропейской группе. За тысячелетия перемещений народов — перемещений великих и невеликих, известных нам и оставшихся неизвестными — произошло, конечно, немало смешений языков и обычаев. Так, трудами большой группы лингвистов, начиная с датчанина Хольгера Педерсена и советского учёного В.М. Иллич-Свитыча, доказано, что подавляющее большинство языков относится к огромной «ностратической» (от латинского *«noster»* — «наш») макро-семье, одной из семей которой является индоевропейская.

При всём при том не приходится сомневаться, что, по крайней мере, со времён мезолита праславяне неизменно занимали огромное территориальное «пятно» в Центральной и Восточной Европе — от берегов Балтики, Эльбы и Одера в бассейне Вислы, и далее на восток — в Верхнее Поднепровье, Верхнее и Среднее Поднепровье и к верховьям Оки, а на севере — к озеру Ильмень и реке Волхов... Славянские территории изобиловали лесами и реками, а на востоке имели преимущественно равнинный рельеф.

Западные праславяне — сегодня это поляки, чехи, словаки и лужичане, граничили с германскими племенами, воспринимавшими какие-то элементы культуры Древнего Рима. Южные праславяне — сегодня это болгары, сербы, хорваты, словенцы, боснийцы, македонцы и черногорцы, предпочли продвинуться ещё южнее — на Балканы, соприкасаясь с Византией...

А восточные праславяне — сегодня это русские-великороссы, украинцы и белорусы, оставались на месте, занимая сере-

дину издревле славянского «пятна», условным центром которого можно считать Поднепровье в районе нынешнего Киева. Восточные славяне никуда не уходили, а если и продвигались, то — на север и северо-восток, где не было цивилизационно что-либо значащих народов, а условия жизни были знакомыми — леса и реки. Это было не *переселение*, а *расселение* всё увеличивающегося одного рода-племени.

Отсюда, вне сомнений, и особая привязанность и преданность русских славян — великороссов, украинцев и белорусов, к своему народу и к родной земле. Когда живёшь на землях, в которых лежат кости пра-пра-пращуров, на землях, освоенных твоими предками пять, а то и десять тысяч лет назад, нетрудно прикипеть к ним всей душой.

С запада и юго-запада восточные праславяне соприкасались тоже со славянами, а с юга — с дикой Степью... Необходимость защиты от степняков заставляла объединяться, и родоплеменные прото-государственные объединения русских славян возникли, скорее всего, ещё в самом начале нашей эры. Если не раньше! При этом в них было сильно «вечевое» начало — сборы, сходки... Собственно, вече в том виде, в каком оно существовало у русских славян, не встречается больше ни у кого, включая славян западных и южных.

И только у русских славян очень рано сформировалось особое чувство общности прав членов племени на ту землю, которую они населяли. Такими уж оказались условия формирования именно русского национального прото-характера.

Уникальным оказалось и то, что в Европе — особенно в Западной Европе, народам приходилось тесниться на небольших пространствах, а русским славянам было куда податься... При этом родственность общерусскому у ушедших не притуплялась — они оказывались лишь пионерами на новых рубежах, за которыми подтягивались другие. Эта цивилизационная особенность приведёт со временем русских на берега и Северного Ледовитого, и Тихого океана.

Когда на пути «из варяг в греки» — о нём будет сказано в своем месте, образовалась Киевская Русь, от которой «отпочковалась» позднее Владимиро-Суздальская Русь, общерусские права на русскую землю были делегированы великому князю... На Руси не возникло феодализма в его европейском понимании с принципом: «Вассал моего вассала — не мой вассал». В Западной Европе феодал-владелец владел вполне определённой территорией, а в Киевской и Владимиро-Суздальской Руси удельный князь сегодня мог княжить в Угличе, завтра — в Галиче, а через год или два — в Полоцке или в Великом Нов-

городе, — в зависимости от указаний великого князя и изменения прав старшинства... Такого не было нигде, кроме Руси! Могла повлиять на перемещение и воля народного веча, не приемлющего одного князя, и желающего другого. Сами князья при этом были не столько владельцами, сколько администраторами и «сторожами» в своих уделах. Подробно об этом будет сказано позже.

На Руси существовало до 120 удельных княжеств, и по мере роста их благосостояния центральные связи ослабевали. Всё было бы не так и страшно — при всех княжеских распрях чувство единой русской общности сохранялось и даже укреплялось во всех слоях русского раннесредневекового общества, а, значит, имелась и база для новой централизации власти под рукой или Киева, или Владимира.

В любом случае, Русь развивалась бы и крепла даже при раздельном государственном существовании южно-русских, юго-западных и северо-восточных русских земель. Позднее это могло бы привести к образованию триединой Русской федерации...

Но тут из глубин Азии на Русь пришли монголы Чингисхана и в два года предали огню результаты цивилизационной работы русских славян на протяжении нескольких веков. Начался «монгольский» период русской истории, однако тысячелетнее чувство общности не только не исчезло в пределах земель русского славянства — собственно, уже русского народа, а позволило пережить и изжить владычество монголов, и создать, как гарантию от нового погрома, особо централизованное — самодержавное государство.

Такой судьбы и истории действительно не было ни у одного «исторического» народа, почему её и нельзя мерить общим «аршином».

Однако здесь нет мистики, а есть лишь исключительные, не характерные для других народов, факторы формирования национального характера и национального государства. Напомню, это: 1) уникальная привязанность к родной земле, обусловленная древностью поселения; 2) уникальная государственность, обусловленная древней потребностью в объединении для защиты и ранним осознанием права на свою землю и её защиту; 3) уникальная широта подхода к жизни, обусловленная возможностью нестеснённого расширения пределов национального обитания; 4) наличие уникального по мощи и уровню влияния негативного внешнего фактора, который был, тем не менее, изжит за счёт первых трёх факторов.

Вот чем объясняется «особенная статья» России...

Поняв это, мы поймём — умом поймём, что русский народ и Российское государство могут успешно существовать и развиваться лишь как самобытные исторические явления, ассимилирующие в себе всё положительное из достижений внешнего мира, но не сливающиеся с внешним миром до тех пор, пока этот мир будет разделён межгосударственными перегородками.

Только для России условия её исторического бытия сложились так, что Россия может слиться с остальным миром лишь тогда, когда исчезнут условия несправедливого разделения мира. Для России гибельна интеграция в современный мир, «глобализованный» на западный манер, то есть — в мир, где основными оказываются принципы не общности судьбы народов и людей, а принципы индивидуалистического потребления, избыточного у одних за счёт недостаточности у других.

Именно к такому основополагающему выводу приводит анализ русской истории, начиная с её праславянских корней, последующий рассказ о русской истории, надеюсь, это покажет.

Далее же в предисловии надо сказать следующее...

Эта книга — не просто о русской истории, но также о том, могла ли русская история в те или иные моменты — начиная со времён летописных, то есть — со времён Гостомысла и Рюрика, пойти иначе, чем оно состоялось на деле?

Но эта книга также о том, что было бы, если бы в тот или иной момент история пошла по иному, чем было, пути... Задуматься на сей счёт — отнюдь не означает впасть в авантюру. Всё дело в том, как и с какими целями мы будем вопрошать прошлое?

Любой человек не раз и не два в своей жизни спрашивал себя: «А что было бы, если бы я поступил не так, как поступил, а иначе? Или если бы случилось не то, что случилось, а что-то другое? Как бы тогда сложилась моя судьба?.. Как бы пошла жизнь?».

Задавать подобные вопросы, казалось бы, глупо. Всё сложилось, как сложилось, и в том что уже произошло, нам ничего не изменить, даже если это произошло секунду назад. С другой стороны, задаваться такими вопросами полезно... Если ты где-то, когда-то и в чём-то сделал неверный выбор, то осознание этого поможет сделать верный выбор в дальнейшем.

А если ты, оглядываясь назад, особых ошибок в уже прожитой жизни не видишь, то это укрепляет тебя в правильности сделанного выбора, помогает и дальше идти верным путём.

Жизнь человека может быть вариантной, хотя фаталисты и считают, что у каждого — своя судьба. Но это — в случае от-

дельного человека. А как там с народами, со странами, с государствами? Или, если иначе — с историей? Могут ли быть и в истории народов развилки, распутья, точки ветвления — своего рода точки бифуркации (от латинского *bis* — дважды, и *furca* — вилы)?

Или, всё же, не могут?

В географии под бифуркацией понимают разделение рек на две ветви, которые направляются в разные бассейны и в дальнейшем уже не сливаются. Реальная же история — это всегда одна, единая, мощная и не ветвящаяся «река». Так что в «географическом» смысле бифуркации в истории никогда не происходят...

А в историческом? Реальная история не раздваивается, но в ней есть точки бифуркации, когда «река» могла бы потечь иначе — удобнее, привольнее, да вот — что-то помешало.

Что?

И, всё же — что было бы, если бы?

Задаться этим вопросом полезно не только отдельному человеку, но и народу, особенно — русскому, советскому. Да, если уж на то пошло, это не помешало бы и всему человечеству. Причём иногда это «что было бы, если бы...» само просится на язык.

История считает эпохами, человек — днями и годами, бывает — минутами и мгновениями. Но порой исторический и человеческий счёт сравниваются.

В Полтавской битве Петра в ходе «генеральной баталии» — той последней двухчасовой фазы сражения, когда всё и было решено, победа русских в какой-то момент висела на волоске. Шведы ударили на Новгородский пехотный полк, и неприятель «на штыках сквозь» прошёл через первый батальон... Могло быть смято русское левое крыло, девяти полкам грозила опасность быть отрезанными от основных сил. И тут в самое пекло боя примчался Пётр и лично возглавил штыковую контратаку второго батальона новгородцев и остатков первого батальона...

Позднее отчёт о Полтавской битве выделил эту ситуацию как решающую: «всё счастье реченной баталии от единого оного исправления зависело». Но «баталия» могла пойти для русских и вовсе иначе — в той контратаке пуля пробила Петру шляпу.

А могла пробить и голову...

Какой была бы тогда история России и мира?

Тот или иной виртуальный поворот — в результате одномоментного или скоротечного события — история России и

мира могла совершить ещё не раз. Но как понять — так ли уж неизбежным был тот или иной разворот исторических событий? И почему он развернулся так, а не этак? И что на данный разворот повлияло? И не могло ли произойти в жизни людей что-то другое? Скажем, более умное, нужное и важное, чем то, что вышло на деле?

И что мешало реализации умного и способствовало реализации глупого? Впрочем, бывало ведь и наоборот — реализовывалось нужное народам! Например — победа петровской России над Швецией, а не Швеции над Россией.

Увы, так бывает не всегда...

Но почему? И что определяет ход истории?

Герои?

Экономика?

Случайности?

Или — объективные исторические законы?

Конечно, в первую очередь ход истории определяют объективные предпосылки. И объективные исторические законы имеются. Но они действуют лишь в те исторические периоды, для которых верны, и в современном обществе действуют далеко уже не все те исторические законы, которые действовали сто лет назад. А сто лет назад действовали не все те законы, которые действовали в эпоху, скажем, Петра Великого...

Однако, надо заметить, что перед имущими классами всегда, во все времена, стояла и стоит задача сохранить свои несправедливые привилегии и обеспечить себе возможность устраивать свою хорошую жизнь за счёт широких народных масс. Этот социальный закон справедлив для любого классово разделённого общества — от рабовладельческого до «постиндустриального»... И имущие классы ради своекорыстных интересов пренебрегали общественными интересами уже тысячи лет назад. Особенно ярко это проявилось в истории России, и мы это увидим.

Если мы, дойдя в своём анализе истории до той или иной «развилки», того или иного распутия, спросим: «А почему тогда вышло глупо, а не умно? Что помешало умному варианту?», то каждый раз будет верным один ответ: «Помешала позиция элитарных “верхов” общества». **Всегда** во всём том негативном, ужасном, кровавом, разрушительном, что происходило с народами, и особенно — с русским народом, были виновны не народные «низы», а элитарные «верхи». А точнее — наиболее шкурная, наиболее алчная и подлая часть этих «верхов».

Сегодня, впрочем, в мировых и российских «верхах» уже не осталось ничего, кроме шкурничества, алчности и подлос-

ти. Сегодня элиты антиобщественны totally, в них нет конструктивной части. Таков вполне закономерный финал тысячекратней деградации правящих имущих элит.

И, прежде всего — русской элиты.

Последовательный обзор и альтернативный анализ русской истории вскрывают и это... И уже для того, чтобы это понять, имеет смысл заняться выявлением и анализом несостоявшихся русских исторических конструктивных альтернатив. Ведь, поняв непреходящую историческую преступность прошлых элит, нам будет проще понять всю преступность элит современных.

Поэтому книга о русских распутях — это, в некотором смысле, и история русских элит, рассказ об их негативной роли в русской истории и русской судьбе.

У большинства профессионалов-историков по сей день считается хорошим тоном утверждать, что история-де «не терпит сослагательного наклонения». «Что было бы, если бы...» — это, мол, занятие не для историка и вообще не для серьёзного человека. Имеет значение только то, что было, то есть — история реальная.

Но ведь в реальной истории существовали не только те силы и факторы, которые определили реальное течение событий! В реальной истории существовали, как правило, и другие силы и факторы, которые могли бы определить *иное* течение событий, но — по тем или иным причинам — не определили...

А почему так вышло? Разве это не вопрос для пытливого учёного?

Ещё чаще, чем историки, эту сакраментальную фразу — насчёт сослагательного наклонения, вслед за историками повторяют просто граждане, историей в той или иной мере интересующиеся. Однако здесь, пожалуй, как и в случае с профессионалами, имеет место некое заблуждение.

У слова история есть несколько значений. Применительно к предмету нашего разговора можно говорить об истории, во-первых, как о совокупности бывших в прошлом событий, имевших более или менее важное общественное значение. И тут говорить не о чём — *эта* история, конечно же, сослагательного наклонения не имеет — что было, то было.

Другое дело, когда мы говорим об истории, как о науке... Вот тут будет вполне справедливо заявить, что просто описание того или иного исторического периода и анализ того лишь, что в нём происходило — подход недостаточный и устаревший.

Устаревший чисто научно...

Да, в своё время историк мог считать свою задачу выполненной, если он с максимальной полнотой и с привлечением всех имеющихся документальных данных описал тот или иной исторический период. Просто описал и проанализировал то, что было.

Однако любая наука — а история, если это не свод фактов, тоже наука — не может не развиваться... При этом любая наука накапливает и анализирует новые знания, а также совершенствует свою методологию.

Как может и должна развиваться наука история?

Конечно, она развивается в сторону постоянного накопления новых знаний и всё лучшего понимания реально происходившего... Со временем мы узнаём больше даже о тех эпохах, от которых не осталось ни одной строчки — не то что писаной, но хотя бы высеченной на камне. Появляются новые данные археологических раскопок, выявляются ранее неизвестные связи между различными точками планеты и т.д.

Кроме того в старых архивах отыскиваются затерянные документы, относительно новые архивы рассекречиваются, и это тоже даёт истории новые знания, а они, в свою очередь, позволяют углублять наше понимание той или иной исторической эпохи, а порой заставляют полностью пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды и наше представление о событиях.

И всё это относится к фактически бывшему...

А как быть с **не** бывшим, но в той или иной степени **возможным**? Как писал Карамзин: «Что быть могло, но стать не возмогло».

Нет, при рассмотрении любого периода истории историк не только можно, но и нужно задаваться вопросом: «А не было ли в реальной истории таких сил и факторов, которые могли бы изменить ход событий в иную — благоприятную для человечества сторону?».

Если в результате анализа окажется, что в исследуемом периоде таких сил не было, анализ окончен.

А если окажется, что «рациональные» силы, факторы, мотивы и варианты были, но не реализовались, необходимо научно исследовать — почему они не реализовались? Необходимо спросить себя: «Кто, что и как помешало реализации вариантов, разумных с позиций мира и процветания народов — без чего подлинный прогресс невозможен?».

Это ведь не только академически интересно, но и важно для нашего возможного умного будущего!